

ГАЗЕТА «ДОГА» — 18 ИЮНЯ 1984 г., А. БИКОВ ВАСИЛЬ КОНЕЦ ДОЛГОЙ ДОРОГИ

неизвестная рукопись Василя Быкова

Завтра исполнилось бы 80 лет выдающемуся писателю Василю Быкову. Последняя его книга «Долгая дорога домой» — мемуары, изданные в прошлом году в Минске независимым издательством «Книга» незадолго до смерти автора. Сегодня Газета предлагает несколько небольших фрагментов — самые последние страницы, написанные рукой Быкова. Они позаимствованы из тетради дополнений и вставок в «Долгую дорогу». Тетрадь эта была передана другу писателя — Валентину Тарасу — 26 мая прошлого года. Странички эти — о детстве писателя, о котором он при жизни почти никому не рассказывал. Газета благодарит Валентина Тараса, предоставившего редакции рукопись и сделавшего возможной эту публикацию. Перевод готовится к изданию в издательстве «Книга».

Лето, летушко, л е т е й к о...
Его ждали, о нем мечтали, грезили...
А оно все медлило, весна продолжалась. Весна тоже неплохо, но ведь — школа! Испытания — экзамены — каждый год, за каждый класс. А еще бесхлебица, щавель да крапива. Травица, от которой больно во рту.
Но вот наконец школа позади, учебники — на полку. Лес уже нарядился в листву, вокруг зелено. В школу ходить не надо, но плохо то, что вне школы нет книг, нечего читать. Зато — воля. И — озеро. Снаряжаем удочки. Крючки раздобыли загодя, у некоторых есть ушко, а то теперь в магазине крючок с ушком не купишь — все только с плоскими кончиками. А такой крючок плохо держится на узелке самодельной «лески», плетеной из волосьев, выдернутых из хвоста белой кобылы.
К сожалению, в колхозе только одна кобыла белая. Бригадир ругается... Хотя

бригадир, Антон Стриженок, вовсе не злой дядька и бранит нас беззлобно. На рыбалку я встаю на заре и сразу — на озеро. Конечно же, на Беляковское, как мы его называем. Чтобы не идти через Савченки, в которых мальчишки драчливые (могут поколотить), взбираюсь на горку возле Савченков-горних, оттуда по тропке через олешник к озеру. Червяки тут же, на берегу. Наступает великое бдение — кроме меня и поплавка, ничего больше не существует. Первая поклевка, круги на воде. Но поклевка — еще не рыба. Клев очень осторожный, пугливый. Солнце выкатывается над лесом, припекает плечи через рубашку, а у меня всего две плотвички. К обеду — штуки четыре. Меняю место, хожу туда-сюда по берегу. Рыбных мест тут, однако, немного — сплошь камыши, кувшинки. Беда, если оборвется крючок. Бывает, что он последний. ► СТР 04